

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА СТРОИТЕЛЬСТВО БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ¹

С. И. Гусев

93906

Наблюдения над тем, как изучает наша партийная молодежь историю большевизма, показывают, как велико значение глубокого, самостоятельного, продуманного отношения к каждому отдельному факту истории большевизма, насколько важно полное и всестороннее изучение конкретной истории нашей партии. Нередко можно встретить товарищей (среди них бываюи и хорошие молодые большевики), соскальзывающих на рельсы схоластического, начетнического усвоения основ ленинизма только потому, что они пренебрегают изучением богатейшей фактической истории борьбы большевизма с врагами рабочего движения внутри и вне его.

В. И. Ленин очень часто повторял мысли Маркса и Энгельса, но это были новые мысли, это были собственные мысли Ленина. Усвоив и переработав по-своему наследство Маркса, В. И. Ленин шел дальше, применяя марксистское учение и марксистский метод к новым вопросам, возникшим в новый исторический период, перерабатывая дальше идеи, высказанные Марксом, и прибавляя новые, исключительно важные главы к учению Маркса — Энгельса.

Без такой самостоятельной проработки, без такого усвоения учения Маркса — Ленина, без превращения его в большей или меньшей степени в свою «собственность» невозможно стать настоящим большевиком. Без этого получается просто механическое повторение большевистских слов, лишенное понимания их действительного смысла, заучивание готовых на все случаи жизни формул. Живое учение Маркса — Ленина, всегда служившее руководством к действию, превращается в мертвую догму, диалектический дух этого учения метафизически извращается. Чисто механическое усвоение, без самостоятельной переработки учения Маркса — Ленина неминуемо приводит к метафизике, к схоластике, к начетничеству.

Посмотрите, как В. И. Ленин отличает настоящих большевиков от «отзовистов», повторявших отжившие лозунги вчерашнего дня и полагавших, что это и есть верность большевизму. Большевики, говорит Ленин, «не твердили заученных слов, а внимательно всматривались в новые исторические условия, вдумывались в то, почему жизнь пошла так, а не иначе, работали головой, а не только языком...»². Большевики решительно выступали против буквоедского недомыслия и игры с заученными фразами. С точки зрения духа, а не буквы учения надо подходить к изучению истории борьбы нашей большевистской партии. Метафизический подход нигде не приносит так много вреда, как в деле изучения истории большевизма.

С таким схоластическим подходом к изучению истории партии приходится нередко сталкиваться при беседах с некоторыми нашими молодыми товарищами по поводу годов реакции и подъема, которым посвящена настоящая статья.

¹ Статья одного из видных деятелей большевистской партии, С. И. Гусева, была написана им незадолго до смерти — в январе 1933 года. Она публикуется впервые с некоторыми сокращениями.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 45. (Ссылки на 4-е изд. Сочинений В. И. Ленина сделаны редакцией.)

В чем основная особенность этого периода? Прежде всего в том, что годы 1908—1914 были годами борьбы за осуществление и укрепление гегемонии пролетариата как предпосылки для победы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в предстоявшей буржуазно-демократической революции и для последующего перехода к социалистической диктатуре пролетариата. Поэтому при изучении истории большевизма в эпоху реакции и нового подъема необходимо прежде всего сосредоточить внимание на вопросе о завершении создания политических условий перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Весь период 1908—1912 гг. надо, по существу, рассматривать как «паузу в развитии революции», как паузу, не разделявшую, а соединявшую в свою революционный подъем 1905—1907 гг. и 1912—1914 годов.

Русская революция 1905—1907 гг. обладала важнейшими историческими особенностями, отличавшими ее от других буржуазных революций. Она была буржуазной, крестьянской революцией. Но от других буржуазных, крестьянских революций ее отличало то, что, во-первых, вождем этой крестьянской революции была не буржуазия, а пролетариат, и, во-вторых, что русская революция развернулась в эпоху империализма, в эпоху кануна международной пролетарской революции. Поэтому она должна была либо сама превратиться в начало пролетарской революции путем перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарско-социалистическую, либо стать сигналом социалистической революции в Западной Европе.

Эти особенности русской революции не могли не наложить своего отпечатка и на период, наступивший после поражения революции, — на период реакции. Всегда после поражения революции наступал период реакции. Но реакция, наступившая после поражения революции 1905—1907 гг., носила своеобразные черты, которые отличали ее от периодов реакции в других странах и были как бы «продолжением» особенностей русской революции.

В чем состоит своеобразие периода реакции, наступившей после революции 1905—1907 годов?

Первая особенность периода реакции заключается в том, что гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции сохранилась и в период реакции, при отливе революции. Хотя пролетариат был истощен гигантской борьбой, которую ему пришлось вести в октябре — декабре 1905 г., и обрушившимися на него затем репрессиями и локаутами, но он не был разбит и продолжал как гегемон вести за собой крестьянство, готовясь к новому наступлению. В Государственной думе, на съездах, в легальной и нелегальной печати — везде, где представители революционного пролетариата встречались с представителями крестьянства, большевики осуществляли «лево-блокистскую» тактику, то есть союз пролетариата и крестьянства в ряде общих политических выступлений. Большевики неустанно разъясняли колебавшимся представителям крестьянства (трудовикам) необходимость резкого разграничения крестьянской демократии и буржуазно-помещичьего либерализма в лице кадетов, необходимость союза крестьянства с пролетариатом при гегемонии пролетариата для нового наступления на самодержавие.

«Гегемония и сейчас факт», — писал В. И. Ленин в 1911 г., возражая Базарову, утверждавшему, что гегемония пролетариата не только исчезла, но и превратилась в свою полную противоположность. «Высуньтесь из либерально-литераторского чуланчика, взгляните хоть на отношение третьедумских депутатов крестьян к рабочим депутатам. Простое сопоставление бесспорных фактов об их политическом поведении за три года, даже простое сравнение их формул перехода и формул кадетских, не говоря уже о сопоставлении политических заявлений в Думе с условиями жизни широких слоев населения за это время, — доказывает самым неопро-

вержимым образом, что гегемония и сейчас факт. Гегемония рабочего класса есть его (и его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения в смысле очищения их демократизма (когда есть демократизм) от недемократических примесей, в смысле критики ограниченности и близорукости всякого буржуазного демократизма, в смысле борьбы с «кадетовщиной» (если называть так идейно-развращающее содержание речей и политики либералов) и т. д., и т. д.»³.

Борьбу за гегемонию пролетариата большевики продолжали в годы реакции не менее упорно, чем в 1903—1905 и 1905—1907 гг., но эта борьба велась на более высокой основе, на основе учета грандиозного опыта революции, которая конкретно осуществила гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции и создала ряд конкретных попыток, хотя еще и зачаточных, воплотить в жизнь революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства в форме Советов.

Кадеты и ликвидаторы всячески стремились дискредитировать революцию 1905—1907 гг. и внушить массам, что новая революция не нужна и невозможна. Большевики рассматривали период реакции только как паузу в развитии революции. «Задачи, которые поставлены перед русской революцией ходом истории и объективным положением широких масс, не разрешены,— писал Ленин в 1907 году.— Элементы нового, общенародного политического кризиса не только не устранены, а, напротив, еще углубились и расширились. Наступление этого кризиса поставит опять пролетариат во главе общенародного движения»⁴.

Новая революция должна была начаться на гораздо более высокой ступени, чем революция 1905—1907 гг., прежде всего потому, что пролетариат в революции 1905—1907 гг. вырос как класс, без чего ему не удалось бы в период реакции удержать гегемонию. Это огромное завоевание не в силах были отнять у пролетариата никакие репрессии, никакие преследования, никакие изменения. Большевистская партия, пережив ряд кризисов, сумела сохранить свое руководящее положение в пролетариате в период реакции, а в годы подъема уже и в отношении организационном окончательно сложилась как вполне самостоятельная рабочая партия, завоевав на свою сторону подавляющее большинство сознательных рабочих. Это и было выражением того, что пролетариат вырос в класс. На всем протяжении годов реакции В. И. Ленин неизменно связывал борьбу за гегемонию пролетариата с перерастанием буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую. Он указывал, что революционная социал-демократия обязана всеми силами стремиться к гегемонии над демократической массой и к развитию в этой массе революционной энергии. «Такое стремление,— писал Ленин,— приводит партию пролетариата к резкому столкновению с другими классовыми политическими организациями, для которых, сообразно интересам представляемых ими групп, демократическая революция является ненавистной и опасной не только сама по себе, но и, особенно ввиду гегемонии в ней пролетариата, чреватой социалистической опасностью»⁵.

Ссылаясь на решения Всероссийской (декабрьской) конференции, В. И. Ленин писал в 1909 г.: «...большинство РСДРП, поляки и большевики в том числе, решительно стоят: 1) за признание руководящей роли пролетариата, роли вождя в революции, 2) за признание целью борьбы завоевание власти пролетариатом при помощи других революционных классов, 3) за то, что на первое и, пожалуй, даже единственное место в числе этих «помощников» становится крестьянство»⁶.

Формулировка «завоевание власти пролетариатом при помощи других революционных классов» может кое-кого привести в смущение. Можно

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 56—57.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 103.

⁵ Там же, стр. 111.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 340.

подумать, что здесь у Ленина идет речь не о буржуазно-демократической, а о социалистической революции, что завоевание власти пролетариатом при помощи других революционных классов надо понимать как социалистическую диктатуру пролетариата. Такой взгляд неправилен, так как социалистический переворот не может быть совершен пролетариатом при помощи всего крестьянства. Однако в формуле «завоевание власти пролетариатом при помощи крестьянства» содержится в невысказанной форме идея перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, при гегемонии пролетариата, становится исходным пунктом перерастания. Поэтому борьба за гегемонию пролетариата и за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства есть борьба на подступах к диктатуре пролетариата.

Вторая особенность периода реакции коренилась в крестьянском характере русской революции.

Революция 1905—1907 гг. не разрешила крестьянского вопроса, не разрешила противоречия между отсталым землевладением и передовым промышленным и финансовым капитализмом. Средневековое землевладение являлось главным препятствием для развития производительных сил. Необходимо было сломать старый, аграрный строй России. Радикальный переворот в земельных распорядках России был неизбежен. Исторический вопрос состоял только в том, проведут ли его помещики, руководимые царем и Столыпиным, или крестьянские массы, руководимые пролетариатом. Не только период революции, но и период реакции был эпохой борьбы двух путей ломки старых, аграрных отношений в России. Но «крестьянская ломка» возможна была только под руководством пролетариата.

Особенность русской революции заключалась именно в том, что аграрный вопрос, крестьянский вопрос в ней мог быть разрешен революционным крестьянством только под руководством пролетариата. Столыпинская ломка крестьянского землевладения не смогла дать простор развитию производительных сил. Уже в 1911 г. стало ясно, что новый революционный кризис неизбежен. Борьба за гегемонию пролетариата, за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства как исходного пункта для перерастания буржуазной революции в пролетарскую,— эта борьба, которую большевики вели в период реакции, была вместе с тем борьбой за революционную ломку крестьянством, под руководством пролетариата, всего старого, аграрного строя России.

В этом и заключалась вторая особенность периода русской реакции, отличавшая ее от периодов реакции в других странах.

Третья особенность периода реакции состоит в образовании антидемократического и антисоциалистического ликвидаторства.

Российская либеральная буржуазия в период реакции стала контрреволюционной. В этом не было ничего своеобразного, тем более, что и в период революции она не была революционной. Во всех не доведенных до конца буржуазных революциях, в которых на арену истории выходили революционные низы, буржуазия после поражения революции становилась контрреволюционной, входила в союз с реакционными классами и вместе с ними доделывала революцию сверху, то есть проводила за счет трудящихся масс ставшие неизбежными буржуазные реформы. То же сделала и наша либеральная буржуазия. Под руководством крепостника-помещика Столыпина она проводила ставшую безусловно необходимой ломку старого землевладения, понятно, за счет крестьянина, а не помещика.

Но кадеты играли роль оппозиции, якобы борющейся против реакционных партий. Эта оппозиционность вводила в обман известную часть рабочих и крестьян. Те рабочие, которые находились под влиянием меньшевиков, верили, что кадеты способны на борьбу против самодержавия, так как-де интересы буржуазии должны были будто бы обязательно

прийти в столкновение с интересами помещиков. Представители крестьян в Думе (трудовики) колебались между рабочими депутатами и кадетами. Без освобождения крестьянства от ограниченности, половинчатости и дряблости либерализма, без разоблачения мнимого, показного характера борьбы кадетов против черносотенцев, без разоблачения их соглашательства невозможна была победа демократической революции. В. И. Ленин упорно и настойчиво подчеркивал решающую важность этой основной стратегической задачи. Он неустанно доказывал, что русская революция не может одержать ни одной победы, если не будет подорван «престиж» кадетов среди масс. Он разоблачал, высмеивал, бичевал соглашательство кадетов.

В. И. Ленин связывал борьбу против ликвидаторства с борьбой против контрреволюционного либерализма: «Борьба марксистов с ликвидаторами есть не что иное, как выражение борьбы передовых рабочих с либеральными буржуа из-за влияния на народные массы, из-за политического просвещения и воспитания их»⁷. И в этом факте проявляется оригинальная, своеобразная особенность русской реакции. В годы реакции появляются такие реформисты, называющие себя социалистами, которые выступают вместе с контрреволюционной буржуазией против демократической революции. Ликвидаторы — изменники марксизма были и изменниками демократии. «В Европе реформизм означает на деле отказ от марксизма и подмену его буржуазной «социальной политикой». У нас реформизм ликвидаторов означает не только это, а кроме того еще разрушение марксистской организации и отказ от демократических задач рабочего класса, подмену их либеральной рабочей политикой»⁸. Вполне понятно, почему Ленин называл ликвидаторов «столыпинскими социал-демократами», «социал-демократическими октябристами». Это не брань, не крепкое слово, а научно точное классовое определение, подчеркивающее своеобразную черту реформистов-ликвидаторов.

Могут сказать, что между ликвидаторами периода реакции и меньшевиками периода 1903—1907 гг. нет существенного различия, что меньшевики 1903—1907 гг. уже были ликвидаторами. Такое утверждение иногда встречается. Но это — неправильное утверждение. Авторы его не умеют диалектически подойти к развитию русского реформизма. Что в меньшевизме 1903—1907 гг. были зародыши ликвидаторства, выросшие в годы реакции в определенное политическое направление, это несомненно. Меньшевики были за не доведенную до конца буржуазную революцию, за буржуазную революцию под гегемонией буржуазии, так как они считали, что интересы буржуазии и помещиков противоположны. Но это не ликвидаторство, которое проповедовало отказ от революции, открыто стояло за исключительно легалистскую тактику и требовало ликвидации революционной партии пролетариата. В. И. Ленин решительно протестовал против отождествления меньшевизма 1903—1907 гг. с ликвидаторством. Так, в «Заключении к сборнику: «Марксизм и ликвидаторство» он писал:

«Политическая определенность классовых делений России во всех отношениях далеко шагнула вперед с 1904 по 1914 год... Тогда меньшевизм хотел быть и действительно был — взятый в общем и целом — в н у т р и партийным течением, отстаивавшим свои оппортунистические лозунги в «дискуссиях по платформам» в п р е д е л а х рабочей партии.

Теперьшнее ликвидаторство, ушедшее с тех пор за версту вправо, ушедшее из партии и отряхнувшее свой прах от «подполья», сплотившееся в прочный антипартийный центр легальных журналистов либеральных и ликвидаторских газет, снятое с постов рабочими во всех и всякого рода рабочих организациях и обществах, — сравнивать это ликвидаторство

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 144.

⁸ Там же, стр. 337.

с меньшевизмом 1903—1907 годов значит давать себя ослеплять и оглушать старыми кличками и именами, звоном старых слов, значит ровнехонько ничего не понимать в десятилетней эволюции классовых и партийных отношений России»⁹.

Не видеть различия между меньшевизмом и ликвидаторством — это значит упускать из виду специфическую черту ликвидаторства как реформизма, выступающего в эпоху демократического преобразования общества против демократической революции. Ликвидаторы ставили перед собой не только антидемократические задачи, но и антисоциалистические, антипролетарские. В этом сочетании отражалась близость между демократическим и социалистическим переворотом в России. Кадеты и ликвидаторы своим классовым чутьем чувствовали опасность перерастания буржуазной революции в пролетарскую и видели на основании опыта 1905—1907 гг., что гегемония пролетариата чревата социалистической опасностью. Поэтому уже в годы реакции, особенно же когда начался новый революционный подъем, ликвидаторы начали готовиться к выполнению своих антисоциалистических задач. В 1914 г. возникает союз ликвидаторов и народников против рабочего класса и его авангарда — большевиков.

Как известно, ликвидаторы выдвинули совместно с народниками свой «нефракционный» список в страховой совет. Затем появился легальный журнал «Современник», в котором демонстративно были соединены имена либерала Богучарского, народников Суханова, Ракитникова, Б. Воронова, В. Чернова, ликвидаторов Дана, Мартова, Троцкого, махистов Базарова, Луначарского и, наконец, главного героя «единства» (и с маленькой и с большой буквы, как шутил Ленин) — Плеханова. В 1917 г. союз мелкобуржуазных соглашательских партий меньшевиков и эсеров на время заполнил было почти всю революционную арену в России. На место кадетов, игравших роль соглашателей в период подготовки и развязывания буржуазной революции, пришла новая смена соглашателей, развернувших свое соглашательство в новый период подготовки новой, пролетарской революции.

Период реакции был периодом непосредственной подготовки войны. В этом и заключается четвертая особенность периода реакции. Корыстные классовые интересы либеральной буржуазии, испугавшейся самостоятельности рабочих и пробуждения крестьян, толкали ее на активную борьбу против революции, против демократии, на защиту империализма, национализма, шовинизма и всякого мракобесия. Этот рост классового сознания и сознательной контрреволюционности нашей российской буржуазии имел своим источником ненависть к российскому пролетариату не только как к внутренней, но и как к международной революционной силе.

Другими источниками усиления шовинизма были рост и обострение конкуренции международного капитала и поражение в войне с Японией. По мере приближения к войне кадеты все более превращались в национал-либералов. Их политика была такой же реакционной, великодержавной политикой империализма, как и национал-реакционеров, но более тонкой и дипломатически подкрашенной. Кадеты замалчивали заговор реакционных правительств империалистических стран (России, Австрии, Германии, Италии, Франции, Англии) против турецкой и персидской революций, поддерживали замыслы о разделе Турции и вмешательство в балканские дела, одобряли систему колониального грабежа, развращали сознание масс, разжигая шовинистические настроения, и стремились путем утонченного национализма, под самыми благовидными предложениями, например, под предлогом охраны интересов «национальной культуры», «национальной автономии или независимости», провести разделение рабочих.

В национальном вопросе различные мелкобуржуазные группы (бун-

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 247.

довцы, ликвидаторы, эсеры, кавказские социал-демократы) проводили либеральную линию, выставляя лозунг «культурно-национальной автономии», по сути дела, ничем не отличавшийся от кадетского лозунга «культурного самоопределения» — взамен политического самоопределения, — и стремясь ликвидировать наше программное требование — «право наций на самоопределение». В такой форме ликвидаторы готовились к войне, во время которой они проводили ту же самую политику разделения рабочих, выступив в качестве социал-патриотов и социал-шовинистов.

Пятая особенность периода реакции заключается в ее международном характере. Международная буржуазная реакция выражалась не только в империалистическом заговоре против турецкой и персидской революций, а прежде всего в действиях, направленных против русской революции. При содействии кадетов, выражавших в Государственной думе доверие царским министрам, правительство получило огромные иностранные займы. Союз самодержавия с буржуазией и союз русской и международной буржуазии спасли помещичью монархию. Но, несмотря на поражение революции, международная буржуазия чувствовала, что центр революции продолжает находиться в России, что здесь наиболее опасный участок фронта, наиболее слабое звено в международной системе империализма, что отсюда может начаться мировой пожар. Необходимо было ликвидировать этот центр мировой революции. Так стоял вопрос перед международной буржуазной реакцией, сплотившейся против русской революции, но раздираемой в то же время внутриимпериалистическими противоречиями, борьбой за раздел мира.

И мы видим поистине удивительное зрелище. Как бы по приказу международной реакции начинается бешеная атака на уцелевшее ядро русской революции, на большевистскую партию, сумевшую в атмосфере распада и развала сохранить в организованном виде свои наиболее крепкие кадры. Разноголосая, разноязычная компания ведет озлобленную травлю нашей партии под единым общим лозунгом — ликвидировать большевиков. Вот кадеты, оплевывающие в своей прессе и с думской трибуны революцию и большевиков и всячески поддерживающие ликвидаторов. Вот эсеры, входящие в союз с ликвидаторами против большевиков. Вот правые ликвидаторы во главе с Аксельродом, Мартовым, Даном, требующие ликвидации нашей нелегальной партии и нашей нелегальной революционной работы. Вот «левые» ликвидаторы — отзовисты и ультиматисты — во главе с Богдановым, требующие ликвидации нашего легального аппарата и нашей легальной революционной работы. Вот великий мастер кружкового, обывательского, беспринципного примиренчества, «внефракционный» Троцкий, который на деле служил самую верную службу ликвидаторам и отзовистам. Вот бундовцы, латыши, кавказцы и т. д. — всех не перечтешь. Вот редакция центрального органа германской социал-демократии «Форвертс», в течение ряда лет помещающая чудовищно клеветнические статьи о большевиках и в то же время отказывающаяся поместить официальный ответ нашей партии на эту клевету. Вот газета бельгийской социал-демократии «Пепль», помещающая такие же клеветнические статьи. Вот Каутский, который на заседании Международного социалистического бюро, к великой радости всех ликвидаторов и Троцкого, заявляет, что «старая партия умерла». Вот Международное социалистическое бюро, организовавшее в декабре 1913 г. совещание представителей РСДРП и предложившее на нем план созыва «общего съезда», чтобы с помощью его добиться ликвидации большевистской партии.

Шестая особенность периода реакции и заключалась в том, что в течение этого периода продолжала существовать, бороться, закаляться в борьбе, крепнуть и развиваться последовательно революционно-пролетарская, стоявшая во главе революции большевистская партия.

Обычно после поражения революции революционные партии разваливались, переставали существовать, действовать, бороться. Только боль-

шевистская партия, сохранившая в самые трудные годы наиболее глубокого упадка массового движения (1908—1910 гг.) и повального бегства из партии буржуазно-демократических интеллигентских попутчиков наиболее твердые, закаленные кадры и преодолевшая партийный кризис, начала вместе с переходом в 1911 г. рабочих в наступление укрепляться. В 1912 г. большевистская Пражская конференция объявила себя общепартийной конференцией РСДРП, являющейся верховным органом партии. Этот период Ленин характеризовал как этап завершения строительства рабочей партии.

Сохранение и укрепление большевистской партии имели решающее значение для судьбы русской, а тем самым и международной революции. Без партии большевиков не удалось бы удержать и осуществить в годы реакции гегемонию пролетариата, не удалось бы собрать и подготовить его силы к новой революции.

Для понимания процесса завершения строительства большевистской партии и сложной тактики большевиков, в июле 1909 г. выступавших категорически против агитации за специальный большевистский съезд, а в январе 1912 г. объявивших большевистскую Пражскую конференцию общепартийной конференцией РСДРП, необходимо вдуматься в то, что В. И. Ленин говорил об обособлении пролетариата в класс. Без понимания этого процесса обособления пролетариата в класс еще до революции и потом в ходе первой русской революции невозможно правильно понять и объяснить историю нашей партии и завершение ее строительства.

Неумение подойти к истории развития нашей партии диалектически ведет иногда к тому, что либо рассматривают нашу партию как явившуюся сразу в 1903 г. во вполне законченном, завершеном виде,— и тогда получается, что история нашей партии заключается в том, что у нее не было истории,— либо представляют взамен действительно сложной, внешне противоречивой, полной сложнейшей борьбы истории партии голую, прямолинейную, «победоносную», доктринерски-метафизическую схему.

Напомним основные высказывания В. И. Ленина по истории развития нашей партии:

«Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года»¹⁰;

«Большевизм вполне сложился, как направление, весной и летом 1905 года»¹¹;

«Весной 1905 г. наша партия была союзом подпольных кружков; осенью она стала партией миллионов пролетариата»¹²;

«Большевики очищали почву для партийности своей непримиримой борьбой против антипартийных элементов в 1903—1905 и в 1906—1907 годах. Большевики должны теперь (1909 г.— С. Г.) построить партию, построить из фракции партию, построить партию при помощи тех позиций, которые завоеваны фракционной борьбой»¹³.

«Социализм не готовая система, которой будет облагодетельствовано человечество. Социализм есть классовая борьба теперешнего пролетариата, идущего от одной цели сегодня к другой завтра во имя своей коренной цели, при ближайшей к ней с каждым днем. Социализм проходит сегодня (1913 г.— С. Г.) в стране, называемой Россией, через этап завершения строительства рабочей партии самими сознательными рабочими вопреки попыткам либеральной интеллигенции и «думской с.-д. интеллигенции» с о р в а т ь это строительство»¹⁴.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 8.

¹¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 350.

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 132.

¹³ Там же, стр. 424.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч. т. 19, стр. 26.

«Прогресс очищения рабочего движения от влияния буржуазии, от влияния экономизма-ликвидаторства за эти 20 лет (1894—1914 гг.— С. Г.) громаден. Теперь впервые прочно складывается настоящий пролетарский фундамент настоящей марксистской партии...

Рабочее движение в России на протяжении этих двух десятилетий борьбы идей растет и крепнет, мужает неуклонно. Оно победило «экономизм»: весь цвет сознательного пролетариата встал на сторону «искровцев». Оно оставило в меньшинстве во все решительные моменты революции «меньшевиков»...

Оно, наконец, победило теперь (май 1914 г.— С. Г.) ликвидаторство и встало благодаря этому на верный путь широкой, освещенной марксистской теорией, обобщенной неурезанными лозунгами, борьбы передового класса за передовые исторические задачи человечества»¹⁵.

Для буквоедов, начетчиков, доктринеров, метафизиков приведенные высказывания В. И. Ленина — благодарнейший материал для постановки ряда «недоуменных» вопросов: когда же, собственно, образовалась, оформилась и окончательно сложилась массовая большевистская партия?

Для диалектика ленинские высказывания — ключ к пониманию истории освобождения рабочего движения от влияния буржуазии, истории обособления пролетариата в класс (в «класс для себя») и противопоставления его другим классам, истории возникновения и строительства настоящей рабочей большевистской партии, истории революционной массовой рабочей партии. Окончательное обособление пролетариата в класс, завершение строительства рабочей партии есть одно из двух необходимых и достаточных условий для перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарско-социалистическую. Второе условие — объединение его с деревенской беднотой. «Пытаться поставить искусственную, китайскую, стену между той и другой (то есть между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революциями.— С. Г.), отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опощение его, замена либерализмом»¹⁶. В период реакции полностью закончилось создание первого условия перерастания: пролетариат обособился в класс и завершил организацию своей революционной партии.

Седьмая особенность периода реакции заключалась в том, что этот период был только длительной паузой в развитии революции перед новым, несравненно более высоким, революционным подъемом. Можно, конечно, говорить, что период реакции между 1848 г. и Коммуной во Франции был также только длительной паузой в развитии революции. Но, во-первых, в отношении Франции это можно говорить лишь в условном, относительном смысле, а, во-вторых, отличие «русской» паузы от «французской» состоит в том, что благодаря гегемонии пролетариата в период реакции, благодаря революционной работе большевистской партии связь между первой и второй русскими революциями не оборвалась. Во Франции же такой связи, по крайней мере в организованном виде, между 1848 г. и Коммуной не было. Можно сказать, что во Франции длительная пауза между 1848 и 1871 гг. была такой паузой, которая отделяла одну революцию от другой. А в России пауза между 1905—1907 гг. и революционным подъемом 1912—1914 гг. была паузой, соединявшей эти две революции.

Перерыв массовой революционной борьбы в России объясняется тем, что массы не были подготовлены к тому, чтобы удержаться на достигнутой в октябре — декабре 1905 г. революционной высоте. «Предыдущая эпоха,— говорит В. И. Ленин,— так глубоко всколыхнула слои населения, в течение поколений, в течение веков, стоявшие в стороне от политических

¹⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 256, 257.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 277.

вопросов, чуждые им, что «переоценка всех ценностей», новая работа над основными проблемами, новый интерес к теории, к азбуке, к учению с азав возник естественно и неизбежно. Миллионы, сразу разбуженные от долгого сна, сразу поставленные перед важнейшими проблемами, не могли удержаться долго на этой высоте, не могли обойтись без перерыва, без возврата к элементарным вопросам, без новой подготовки, которая бы помогла «переварить» невиданно богатые уроки и дать возможность массе несравненно более широкой пойти опять вперед, уже гораздо более твердо, более сознательно, более уверенно, более выдержанно»¹⁷.

Таким образом, перерыв в массовом движении, пауза в развитии революции необходимы были для того, чтобы следующий революционный подъем мог начаться на гораздо более высокой ступени. Массы должны были «переварить» и усвоить революционный опыт. Это усвоение было непосредственно связано с теоретической борьбой партии. В годы реакции большевики вели упорную теоретическую борьбу по всем вопросам теории марксизма, по всем вопросам нашей программы и тактики.

К 1911—1912 гг. переваривание рабочими массами уроков революции в основном закончено. Крестьянство, которое вступило в революцию неизмеримо менее сознательным и вынесло из революции горькие, но спасительные уроки, переваривало эти уроки гораздо медленнее. С конца 1910 г. начинается поворот в рабочем движении, переход рабочих в наступление, превращающееся в 1912 г. в революционный подъем. Волна революционных забастовок все нарастает, число стачечников доходит почти до уровня 1905 года. Рост недовольства в низах и нелады в правящих классах создают в 1913 г. революционную ситуацию. Все более назревает политический кризис. Партия ставит на очередь вопрос о подготовке всеобщей политической стачки.

В январе 1913 г., сравнивая цифры стачечников в 1912 г. и в годы революции, В. И. Ленин писал, что движение переросло 1906 и 1907 гг. и немногим отстало от 1905 года. Он отмечал, что «грядущая вторая революция обнаруживает уже теперь гораздо больший запас революционной энергии в пролетариате»¹⁸. Выросла концентрация пролетариата, усилилась чисто пролетарская опора движения в деревне, выросли сознательность, опытность и решительность передового класса. Созрело не только первое условие перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, то есть сила, сознательность и организованность пролетариата, но и были созданы все предпосылки для второго условия перерастания, для союза пролетариата с беднейшим крестьянством, с полупролетарскими слоями деревни. Война оборвала начинавшуюся революцию в России. Но она не могла изменить ее направление и характер. Война усилила заложенные в предвоенной ситуации тенденции и в громадной степени ускорила их развитие.

Период реакции с точки зрения создания предпосылок победоносной революции можно, таким образом, охарактеризовать следующими основными моментами: 1. Завершение политических условий, большая зрелость их для буржуазно-демократической революции и для немедленного перехода к социалистической, для перерастания первой во вторую. 2. Завершение выделения пролетариата в «класс для себя». 3. Завершение строительства большевистской партии. 4. Отсутствие какого-либо разрыва между революционным подъемом в 1905—1907 гг. и в 1912—1914 годах.

Эти четыре положения внутренне объединены и представляют собою

¹⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 23.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 442.

определенную концепцию. Метафизикам и схоластике может показаться странным и неправильным употребление выражения «з а в е р ш е н и е» (условий перерастания, выделения пролетариата в класс, строительства большевистской партии). Могут сказать так: вы утверждаете, что все это было «завершено» только в 1912—1914 годах. Значит, раньше не было «завершено», значит, раньше, в 1905 г., не было условий перерастания, значит, в 1903 г. пролетариат не выделился уже в «класс для себя», значит, в 1903 г. у нас не было большевистской партии? С формально-логической стороны этот метод примерно таков же, как если бы человек сказал: «Вчера я был в театре», — а из этого его заявления сделали бы такой вывод: «Значит, третьего дня вы в театре не были». Но дело, однако, не в формально-логической, а в политической ошибке такого метода рассуждения.

Некоторые товарищи, склонные к цитатному «усвоению» ленинизма, возражают против положений, развитых нами в нашей статье, противопоставляя ранние высказывания Ленина (периода 1903—1905 гг.) более поздним (периода 1908—1914 гг.). Но возражать Ленину, основываясь на Ленине, — это значит по меньшей мере безбожно путать.

Мы отмечали, что в период реакции и нового подъема вполне созревает не только первое условие перерастания буржуазной революции в пролетарскую, то есть сила, сознательность и организованность пролетариата, но и создаются все предпосылки для второго условия перерастания, для союза пролетариата с беднейшим крестьянством, с полупролетарскими слоями деревни. Значит ли это, что в 1905 г. не было условий для перерастания? Конечно, нет! Конечно, не значит! Перерастание возможно было и в период революции 1905 года. Вся борьба большевиков была направлена к тому, чтобы обеспечить победоносное перерастание демократической революции в социалистическую. Однако есть ли какая-нибудь разница между революционным подъемом 1905 г. и подъемом 1912—1913—1914 гг. с точки зрения еще более полного созревания условий перерастания? Конечно, да, конечно, есть! Отрицать это — значит зачеркивать историю борьбы большевизма.

Если проанализировать источник путаницы, заключающейся в возражении против этого положения, то мы увидим, что источник этот двойной: во-первых, смешивание экономических основ перерастания с политическими условиями перерастания и, во-вторых, непонимание самого хода перерастания.

Экономические основы перерастания были заложены, в сущности говоря, уже в 1861 г. и в последующий период, когда благодаря так называемому «освобождению» крестьян, произведенному помещиками сверху, было положено начало тому противоречию, которое, по словам Ленина, глубже всего объясняет русскую революцию (и следовательно, и ее перерастание в пролетарскую): самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм. Политика Столыпина была второй попыткой произвести помещичью ломку средневекового крестьянского землевладения, произвести вторую «революцию сверху». Эта попытка не удалась, противоречие между самым отсталым землевладением и самым передовым промышленным и финансовым капитализмом не было устранено. Помещичья ломка средневекового аграрного строя в России («прусский» путь развития капитализма в сельском хозяйстве) не удалась. Неизбежная революционная ломка старого, аграрного строя могла быть поэтому только крестьянской ломкой (экономически это означало «американский» путь развития капитализма в сельском хозяйстве). Значит, экономическая основа перерастания, а именно борьба двух путей капиталистического развития, «прусского» и «американского», заложенная еще в 1861 г., сохранилась, несмотря на попытки столыпинской ломки средневекового крестьянского землевладения.

А как обстояло дело с политическими условиями перерастания в 1905 году? Со времени организации ленинской «Искры» и особенно после создания в 1903 г. большевистской партии эти политические условия быстро развивались. Сознательность и организованность пролетариата возрастали, а в 1905 г. начали делать гигантские шаги вперед, что нашло свое выражение в превращении нашей партии осенью 1905 г. в партию миллионов рабочих. Пролетариат выступил в качестве авангарда и вождя буржуазно-демократической революции. Большевики исподволь также подготовляли союз пролетариата с деревенской беднотой. Напомню, например, брошюру Ленина «К деревенской бедноте». Большевики боролись за союз пролетариата с крестьянством под гегемонией пролетариата и выставили лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, которая рассматривалась большевиками как исходный пункт перерастания, как ступень к диктатуре пролетариата. Союз пролетариата и крестьянства, неоднократно осуществлявшийся в 1905—1907 гг., подготовил союз пролетариата с деревенской беднотой. В ходе революции возникли Советы как зачаточные органы новой власти, как зачаточные органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Таким образом, политические условия перерастания, базируясь на экономической основе, развивались в 1903—1905 гг. чрезвычайно быстро, но они не дошли до своего завершения. Зачаточные органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства — Советы — были разрушены полностью, а большевистская партия отчасти была разбита реакцией, отчасти переживала кризис, освобождаясь от буржуазных и мелкобуржуазных попутчиков, сохраняя, однако, в тяжелой борьбе свое основное ядро. Таким образом, вместе с отливом революции политические условия перерастания, сознательность и организованность пролетариата и союз пролетариата с деревенской беднотой остановились в своем развитии, пошли даже в определенном смысле назад, снизились, ослабели. Не остановись революция на полпути, дойди она до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, политические условия перерастания дошли бы до полного своего развития. Один месяц революции в смысле развития сознательности масс равен годам мирной «конституционной» эпохи.

Итак, вместе с отливом революции отступили назад и политические условия перерастания. Затем, вместе с началом нового подъема, эти политические условия вновь усилились и поднялись на такой высокий уровень, что начинавшаяся в 1914 г. революция неминуемо привела бы к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в форме Советов и, следовательно, к перерастанию буржуазно-демократической революции в пролетарско-социалистическую. А что это значит? Это именно и значит, что к 1913—1914 гг. завершилось создание первого политического условия для перерастания — сознательности и организованности пролетариата — и предпосылок для второго условия, союза с деревенской беднотой. В 1905 г. это завершение не удалось вследствие того, что революция остановилась на полпути.

Неверно утверждать, будто в 1905 г. были полностью завершены политические условия перерастания. Полное завершение развития политических условий перерастания невозможно без установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, а в 1905 г. появились только зачаточные органы этой диктатуры.

Переходя к следующему вопросу, к вопросу о завершении обособления пролетариата в класс, вспомним известное место из Сочинений Ленина: «У нас слишком односторонне, к сожалению, понимают до сих пор категорию буржуазной революции. У нас упускают, напр., из виду, что эта революция должна показать пролетариату — и только она может впервые показать пролетариату, какова на деле буржуазия данной

страны, каковы национальные особенности буржуазии и мелкой буржуазии в данной национальной буржуазной революции. Настоящее, окончательное и массовое обособление пролетариата в класс, противопоставление его всем буржуазным партиям может произойти только тогда, когда история своей страны покажет пролетариату весь облик буржуазии, как класса, как политического целого,— весь облик мещанства, как слоя, как известной идейной и политической величины, обнаруживавшей себя в таких-то открытых широко-политических действиях»¹⁹.

Могут возразить, что наше утверждение о завершении выделения пролетариата в класс к 1912—1914 гг. неверно, что оформление рабочего класса в самостоятельный класс, в «класс для себя», а следовательно, и завершение строительства большевистской партии произошли до 1905 г., а именно в 1902—1903 гг.; ведь именно тогда пролетариат впервые противопоставляет себя как класс всем остальным классам и царскому правительству. Но полагать так означало бы утверждать, что первый акт противопоставления пролетариата как класса всем остальным классам и царскому самодержавию был не только началом выделения пролетариата в «класс для себя», но и последним актом этого процесса. Это означает, что возникновение большевистской партии в 1903 г. было вместе с тем и завершением ее строительства.

Показала ли революция 1905—1907 гг. пролетариату весь облик буржуазии как класса, как политического целого? Нет, не показала. Революция остановилась на полпути, показав широким массам пролетариата только некоторые (правда, весьма существенные) черты облика буржуазии как класса. Остальные черты этого облика история показала пролетариату в годы реакции и при новом революционном подъеме. Большевики считали своей главной стратегической задачей разоблачение соглашательства кадетов не только в «кадетский период революции», не только в период конституционных иллюзий, но и в годы реакции. Они боролись за освобождение пролетариата от буржуазного влияния, которое осуществлялось в эти годы через агентуру буржуазии в рабочем движении — через ликвидаторов. Только тогда, когда было завершено разоблачение кадетов, когда широкие массы пролетариата увидели те черты облика буржуазии как класса, которые им не показала революция 1905 г., то есть в годы реакции, и было завершено настоящее, окончательное и массовое обособление пролетариата в класс, противопоставление его всем буржуазным партиям.

Разберем этот вопрос со стороны конкретно-исторической, ибо первым условием диалектического изучения истории является изучение конкретных фактов, их связи и взаимозависимости. Первым выступлением, в котором пролетариат противопоставил себя всем остальным классам и царскому правительству, были знаменитые ростовские события 1902 года. Рассматривая эти события в широкой исторической перспективе, необходимо сказать, что они были началом поворота в международном рабочем движении после 30-летнего периода затишья, наступившего вслед за разгромом Парижской Коммуны. Однако, основываясь на этом, никак нельзя утверждать, что уже тогда российский пролетариат завершил свое обособление в класс, свое противопоставление другим классам. Не приходится, конечно, распространяться относительно того, что тогда, в момент забастовки, когда мы, большевики, были еще очень молоды и годами и политическим опытом, мы расценивали эти события несравненно осторожнее, чем часто это делают теперь, оценивая их с точки зрения широкой исторической перспективы и внутренней связи с последующими политическими событиями.

¹⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 57.

Доказательство — те прокламации, которые выпускал Донской комитет во время этих событий. Вот что говорится в первой политической прокламации Донского комитета, выпущенной на второй день забастовки, то есть тогда, когда забастовка охватила только железнодорожные мастерские и забастовщики предъявили чисто экономические требования:

«Ко всем гражданам

Первый снег — и вместе с ним первый отдаленный раскат надвигающейся революции. Рабочие Владикавказских мастерских бросили работы и выставили свои требования. В них нет ничего политического и революционного, но самый факт такой крупной стачки своим могучим напором рвет старые заржавленные средневековые цепи самодержавия. И не дождемся мы, быть может, будущего «первого снега», как те же рабочие стройной тысячной толпой под красными знаменами социал-демократии с громким криком: «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!» — придут по улицам Ростова, которые еще никогда не слышали вольных криков свободы. Они — и только они — в силах разрушить смрадное здание проклятого самодержавия, они — и только они — в силах дать свободу задушенной, голодной Руси.

Придите же к ним на помощь в их первых трудных шагах борьбы! Придите вы, втайне ненавидящие запятнанное кровью гнуснейших преступлений самодержавие, придите же, втайне болелющие за вымирающий от голода народ; придите вы, втайне робко мечтающие о свободе. Придите на помощь, чем можете. Окажите борющимся хоть материальную поддержку.

Проснитесь же, граждане!»

В прокламации, как видим, очень резко подчеркнута гегемония пролетариата, его противопоставление как класса всем другим классам, «втайне робко мечтающим о свободе», и самодержавию. В заключительной прокламации, подводившей итоги событий, также подчеркивалась гегемония пролетариата. «Один только пролетариат,— говорится в этой прокламации,— высоко держит знамя борьбы... Политическая тенденция ростовских событий дает лишний повод подчеркнуть первенствующее значение пролетариата в освободительном движении».

Но как бы мы расценили позицию Донского комитета, если бы он в своей заключительной прокламации провозгласил: «Российский пролетариат за вершил свое обособление в класс»? Мы, вероятно, сказали бы, что это «левацкий» загиб, что это — перепрыгивание через неизбежный этап развития, что такой «левацкий» загиб ведет к пассивности в дальнейшей борьбе за гегемонию пролетариата, за его обособление в «класс для себя», за доведение до конца этого обособления.

Вопрос об обособлении пролетариата в класс имеет и другие важные стороны. Обособление пролетариата и буржуазии в классы есть диалектический процесс, процесс борьбы взаимообусловленных, взаимосвязанных противоположностей, процесс живой, реальной борьбы классов. Особенность русской буржуазно-демократической революции заключается в том, что пролетариат в России начал выделяться в «класс для себя» раньше, чем буржуазия, что своим выделением в класс он толкал к выделению в класс и буржуазию. Пролетариат был гегемоном революции. В годы упадка революции буржуазия, смертельно испуганная сознательностью и организованностью пролетариата, превратилась в контрреволюционную силу. Выделившись как класс, она толкала пролетариат к дальнейшей борьбе за обособление в класс, за завершение этого обособления, начатого в годы революции и даже до нее. Вот как рисует этот процесс Ленин: «Буржуазия впервые начала в нашей революции складываться в класс, в единую и сознательную политическую силу. Тем успешнее пой-

лет и организация рабочих по всей России в единый класс. Тем глубже будет пропасть между миром капитала и миром труда, тем яснее будет социалистическое сознание рабочих... Политическая организация буржуазии — лучший толчок к окончательной формировке социалистической рабочей партии»²⁰.

Надо ясно видеть весь этот диалектический процесс выделения пролетариата в класс, представлявший непрерывную борьбу за освобождение отсталых слоев рабочих от политического влияния кадетов и особенно от влияния кадетской агентуры в рабочем движении — ликвидаторов и народников. Завершение строительства рабочей партии и означает, что период подготовки и собиранья сил пролетариата кончился и что пролетариат переходит к задаче наступления на буржуазию, к задаче завоевания власти. Нельзя представлять себе дело так, что российский пролетариат изолированно, в безвоздушном пространстве, вне истории обособился окончательно в класс и уже в 1902 г. был вполне готов к выполнению этой задачи.

Может быть сделано, однако, такое возражение. Если пролетариат не завершил в 1903—1905 гг. своего обособления в класс, то как же он мог быть гегемоном начиная с 1902 г., то есть с перехода его к самостоятельным, сознательным политическим выступлениям?

Исторический процесс пролетарской борьбы развивался не так, что сначала было завершено обособление пролетариата в класс, завершено строительство рабочей партии, а после этого и на этой основе осуществлялась гегемония пролетариата. На самом деле развитие шло иначе: осознание пролетариатом идеи гегемонии и воплощение ее в жизнь превращало его в класс. Обособление пролетариата в класс росло вместе и на основе с осуществлением им гегемонии. Полная победа в борьбе за гегемонию пролетариата (против гегемонии либеральной буржуазии) в буржуазно-демократической революции и вела к завершению обособления пролетариата в класс.

К 1912—1914 гг. борьба за гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции была закончена, либеральная буржуазия была разоблачена окончательно, ее облик как класса, как политического целого стал ясен широким массам пролетариата (точно так же, как и облик ликвидаторов), кадеты выступали открыто против революции. Это и означало завершение обособления пролетариата в класс. Если бы революция 1905—1907 гг. не оборвалась, не остановилась на полпути, то процесс обособления пролетариата в класс в открытой политической борьбе против самодержавия и буржуазии завершился бы несравненно скорее.

Завершение обособления пролетариата в класс и завершение строительства рабочей партии — это, по существу, одно и то же. Но в последнем вопросе надо все же разобраться конкретнее. В. И. Ленин в мае 1914 г. отмечал, что «теперь впервые прочно складывается настоящий пролетарский фундамент настоящей марксистской партии»²¹.

Но иной схоластик может сказать: подумайте только, — партия существует с 1903 г., а вы говорите о завершении строительства партии в 1912—1914 годах! Почему в 1914 г., после того, как уже строительство партии было, по Ленину, завершено, Ленин же заявляет, что «теперь впервые прочно складывается настоящий пролетарский фундамент настоящей марксистской партии»? Ну разве же это не противоречие?

Схоластики ошибаются. Никаких противоречий в высказываниях Ленина нет.

Следует прежде всего помнить, что самое понятие партии (как и понятие массы) в ходе исторического развития менялось. Боль-

²⁰ Там же, стр. 103.

²¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 256.

шевистская партия возникла на Втором съезде РСДРП как настоящая рабочая партия, как самостоятельная партия российского пролетариата, как наиболее последовательно революционная партия во всем II Интернационале. В течение всей своей истории она существует как самостоятельная партия. Но большевистская партия пережила различные периоды развития. После перехода Плеханова и «Искры» к меньшевикам она представляла собой группу большевиков, за которой шел ряд комитетов, но которая не имела своей газеты. К концу 1904 г. партия создала свой центр (Бюро комитетов большинства) и свою газету «Вперед». На третьем съезде (апрель — май 1905 г.) партия формально объявила себя самостоятельной большевистской партией. Осенью 1905 г. из союза подпольных кружков она превратилась в партию миллионов пролетариата. Этот период характеризуется большим участием в строительстве партии выходцев из мелкобуржуазной интеллигенции. Вместе с отливом революции партия вновь превратилась в союз подпольных кружков, с величайшим трудом сохранив в годы реакции основное ядро. Затем в 1910—1912 гг. партия перестраивалась на более солидном фундаменте: в 1912 г. на Пражской конференции она вновь объявила себя самостоятельной и притом единственной партией пролетариата.

В годы революционного подъема, означавшего начало новой буржуазно-демократической революции, она завершила свое строительство в качестве настоящей рабочей партии, окончательно сложилась, была построена самими сознательными рабочими как самостоятельная революционная партия российского пролетариата для выполнения тех задач, которые поставил перед ней революционный подъем, для совершения буржуазно-демократической революции и немедленного перехода к социалистической. Это именно и означало, что впервые прочно сложился настоящий пролетарский фундамент настоящей марксистской партии, настоящий пролетарский фундамент для той партии миллионов пролетариев, которая неминуемо выросла бы в дальнейшем ходе новой революции, — в первые потому, что в 1905—1907 гг. настоящий пролетарский фундамент партии вследствие отлива революции, начавшегося уже после декабрьского поражения, не мог сложиться прочно.

Где же противоречия у Ленина? Где путаница? Ленин дает диалектическое освещение фактов истории большевистской партии.

Товарищи, путающиеся в этих вопросах, усматривающие в них «противоречия», совершают ту ошибку, что отождествляют возникновение партии и завершение ее строительства. Они не замечают, что речь идет не о том, когда возникла партия, а о том, когда завершилось ее строительство для перехода к буржуазно-демократической революции и непосредственно вслед за тем — к социалистической. Завершение строительства рабочей партии в капиталистическом обществе именно и означает, что она доросла до задачи совершения социалистической революции.

Некоторые схоластики утверждают, что раз наша партия монолитна, то в ней не могло быть фракций и группировок. Они не понимают, что монолитность достигается постоянной, упорной борьбой против фракционности, постоянным очищением партии от всяких попутчиков, карьеристов и агентов классового врага. В. И. Ленин резко подчеркивал невозможность завершения строительства рабочей партии без очищения рабочего движения от влияния буржуазии. Историю развития нашей партии он рассматривал как процесс очищения рабочего движения от влияния буржуазии, от влияния экономистов, меньшевиков, ликвидаторов. Завершение строительства рабочей партии самими сознательными рабочими и создание прочного пролетарского фундамента настоящей революционной рабочей партии означало победу рабочего движения над ликвидаторством, которое и было проводником буржуазного влияния на рабочий класс.

Мы завершили строительство партии в первый раз в 1912—1914 гг. для буржуазно-демократической революции, перерастающей в социалистическую, для перехода в прямую атаку на самодержавие и на буржуазию. На этом процесс строительства партии не закончился. Мы завершили его во второй раз в 1921—1922 гг., по окончании гражданской войны, для выполнения задач восстановительного периода, когда партия наша была уже правительственной партией. Не только во время буржуазных революций, но и во время социалистической революции к рабочей партии примыкает масса мелкобуржуазных попутчиков. Особенно сильно это проявилось у нас, в стране с огромным преобладанием мелкой буржуазии, вследствие того, что Октябрьская революция, будучи социалистической революцией, довела до конца задачи буржуазно-демократической революции. В партии к концу гражданской войны оказалось очень большое число мелкобуржуазных попутчиков, крайне неустойчивых (вспомните Кронштадт). Без коренной чистки, то есть реорганизации, партии, перестройки ее, втягивания низовых рабочих, без укрепления ее пролетарской базы, без второго завершения строительства партии невозможно было подходить к выполнению задач восстановительного периода.

Мы завершали строительство большевистской партии в третий раз в 1927—1929 гг., когда выбросили из своих рядов троцкистов, разгромили правых и укрепили пролетарскую основу партии. Без такой перестройки нельзя было перейти к решению задач реконструктивного периода, к построению социализма.

Мы стоим перед чисткой, перед новым укреплением пролетарского фундамента партии, перед завершением строительства партии для построения бесклассового общества.

История большевистской партии — это история ее постоянного развития и движения вперед. Если же принять тонку зрения схоластов, то получится: в 1902 г. завершилось выделение пролетариата в «класс для себя», в 1903—1904 гг. завершилось строительство большевистской партии, в 1905 г. завершилось создание политических условий для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Окажется, что в 1908—1912 гг. партии оставалось только ждать того дня, когда начнется новый революционный подъем, чтобы вновь появиться на арену в давно уже готовом, завершенном виде. Получается разрыв между революционным подъемом 1905—1907 гг. и 1912—1914 годов. Именно такой вывод вытекает из установки, будто до 1905 г. все уже было завершено. Знают ли товарищи, утверждающие подобные вещи, что это за философия истории? Это отзовистская философия истории. Именно отзовисты утверждали, что в период реакции делать-то, собственно, нечего, что нужно отсиидеться, выждать, когда наступят новые яркие годы истории, чтобы в готовом виде появиться на арене истории перед восхищенными массами и с ловкостью военных людей, в полной боевой готовности начать как раз с того места, на котором в 1905—1907 гг. революция остановилась, то есть прямо с вооруженного восстания. Отсюда культ боевизма у отзовистов.

Нет, история большевистской партии не такова. Изучая ее, нужно всегда помнить слова о «вечно-зеленом древе жизни», которые так любил повторять В. И. Ленин.